

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайжан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

С. Д. Атадаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2022

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

A. V. Polaykov doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and
Technical Council of Altai State University. All rights
reserved. No publication in whole or in part may
be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. Registered with
the RF Committee on Printing. Registration
certificate PI № ФС 77-78911. Registration date
07.08.2020 г.*

Editorial office address: 656049, Altai region,
Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state
University, Department of regional studies of
Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2022 Том 27, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сериков Ю. Б.</i> Махтыльский холм — древнее святилище на реке Сосьва	7
<i>Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.</i> Захоронение лошади раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай)	22
<i>Котеньков С. А., Пилипенко С. А., Попов К. Ю.</i> Зубная щетка из грунтового могильника Маячный Бугор-I (историко-археологический аспект и реконструкция)	34
<i>Ярков А. П.</i> Археологические исследования «исламских» памятников Северной Азии	51

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Копылов И. В., Хоменко Д. Ю.</i> Репродуктивная стратегия коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. (по материалам священников-миссионеров)	70
<i>Степанова О. Б.</i> «Все люди — дети великого Корга»: медведь как квинтэссенция архаических взглядов на животное в мировоззрении селькупов	85
<i>Рыблова М. А.</i> Культурные заимствования в традиции донских казаков	99

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ильин В. Н.</i> Российская антистарообрядческая государственно-конфессиональная парадигма 1666–1906 гг.	113
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Этнический и религиозный аспекты толерантности в Республике Тыва (по результатам социологического исследования)	122
<i>Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.</i> Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960 — середине 1970-х гг.	144

ДЛЯ АВТОРОВ	162
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2022 Vol. 27, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Sericov Yu. B.</i> Makhtylsky hill — an ancient sanctuary on the Sosva river.....	2
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Horse burial of the early scythian period from the Carban terrain (North Altai).....	22
<i>Kotenkov S. A., Pilipenko S. A., Popov K. Yu.</i> A toothbrush from the ground burial Mayachnyy Bugor-I (historical and archaeological aspect and reconstruction)	34
<i>Yarkov A. P.</i> Archaeological research of Islamic monuments in Siberia.....	51

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kopilov I. V., Khomenko D. Yu.</i> Reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North at the end of the 19 th — beginning of the 20 th century (by the materials of missionary priests).....	70
<i>Stepanova O. B.</i> “All people are children of the great Korg”: the bear as the quintessence of archaic views on the animal in the worldview of the Selkups	85
<i>Ryblova M. A.</i> Cultural borrowings in the tradition don Cossacks.....	99

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Ilyin V. N.</i> Russian anti-old believer state-confessional paradigm of 1666–1906.....	113
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bichelday U. P., Mongush A. V.</i> Ethnic and religious aspects tolerance in the Republic of Tuva (based on the results of a sociological study)	122
<i>Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N.</i> Atheistic propaganda in Khakassia in the mid-1960s — mid-1970s.....	144
FOR AUTHORS	162

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.7 (282.256.166.51)
DOI: 10.14258/nreur(2022)3-01

Ю. Б. Сериков

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал), Нижний Тагил (Россия)*

МАХТЫЛЬСКИЙ ХОЛМ — ДРЕВНЕЕ СВЯТИЛИЩЕ НА РЕКЕ СОСЬВА

Махтыльский холм на реке Сосьва относится к типу необычных культовых памятников — искусственно насыпанных холмов. Образование холма связано с жертвоприношением фрагментов сосудов, целых и сломанных каменных изделий. Возможно, таким способом осуществлялся принцип — «часть вместо целого». После завершения обряда жертвенный комплекс засыпался землей. Использование данного культового места на протяжении нескольких тысячелетий привело к возвышению жертвенной площадки до трех метров. Коллекция находок состоит из 1857 экз. Керамический комплекс представлен материалами всех эпох — от неолита до Средневековья, среди которых преобладает керамика неолита-энеолита. Из каменных изделий этих эпох в коллекции присутствуют наконечники стрел, скребки, нуклеусы, ножевидные пластины, шлифованные тесла и ножи, абразивы. Из предметов неутилитарного характера следует отметить расколотое навершие булавы, подвески и фрагмент венчика с зооморфным изображением. Местное население широко использовало местную сырьевую базу, о чем свидетельствует наличие на трети каменных изделий первичной корки. Для изготовления каменных орудий применялись 11 видов минерального сырья.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, культовый холм, неолит, энеолит, керамика, каменные изделия, сырьевая база.

Цитирование статьи:

Сериков Ю. Б. Махтыльский холм — древнее святилище на реке Сосьва // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 7–21. DOI: 10.14258/nreur(2022)3-01.

Yu. B. Sericov

Russian State Professional and Pedagogical University (a branch), Nizhny Tagil (Russia)

MAKHTYLSKY HILL — AN ANCIENT SANCTUARY ON THE SOSVA RIVER

Makhtylsky hill on the Sosva River belongs to the type of unusual cultic site — artificially filled hills. The formation of the hill is associated with the sacrifice of fragments of vessels, whole and broken stone products. Perhaps, in this way, the principle was implemented — “a part instead of a whole”. After the completion of the ceremony, the sacrificial complex was covered with earth. The use of this place of cult for several millennia has led to the elevation of the sacrificial site to 3 m. The collection of finds consists of 1857 items. The ceramic complex is represented by materials of all eras from the Neolithic to the Middle Ages, among which Neolithic — Eneolithic ceramics predominate. Arrowheads, scrapers, nucleuses, knife-shaped plates, polished adzes and knives, abrasives are present in the collection of stone products of these eras. Among the objects of a non-utilitarian nature, it should be noted the split pommel of a mace, pendants and a fragment of a vessel corolla with a zoomorphic image. The local population made extensive use of the local raw material base, as evidenced by the presence of primary crust on a third of stone products. 11 types of mineral raw materials were used for the manufacture of stone tools.

Keywords: Middle Transurals, cultic hill, Neolithic, Eneolithic, ceramics, stone products, raw material base.

For citation:

Sericov Yu. B. Makhtylsky hill — an ancient sanctuary on the Sosva river. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 3. P. 7–21. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–01.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета), Нижний Тагил (Россия).

Адрес для контактов: u.b.sericov@mail.ru.

Sericov Yuriy Borisovich, doctor of historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Archaeological Laboratory of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (a branch of the Russian State Professional and Pedagogical University), Nizhny Tagil (Russia). **Contact address:** u.b.sericov@mail.ru.

Введение

На территории Среднего Зауралья еще в середине XX в. были выявлены и частично раскопаны необычные культовые памятники — искусственные насыпные холмы. Наиболее известными из них являются Кокшаровский, Усть-Вагильский и Махтыльский [Старков, 1969: 72–77]. Все холмы исследовались раскопками, но коллекции находок полностью до сих пор не опубликованы. Публикации носят выборочный характер в зависимости от интересов исследователя. Например, по материалам Кокшаровского холма опубликовано свыше 60 статей, но все они связаны с описанием культовых находок и керамических комплексов [Шорин, Шорина, 2019: 138]. В археологических фондах Нижнетагильского музея-заповедника находятся неопубликованные коллекции из раскопок В. С. Стоколоса, А. И. Россадович и В. Ф. Старкова трех холмов: Кокшаровского (7 тыс. ед. хр.), Усть-Вагильского (18,5 тыс. ед. хр.) и Махтыльского (2 тыс. ед. хр.). Автором начата работа по введению в научный оборот данных коллекций.

Махтыльский холм находится на левом берегу р. Сосьва в 3 км от несуществующей сейчас деревни Махтыли (Гаринский р-н Свердловской обл.). Располагается он в 95 м от берега реки на краю невысокой террасы. Холм диаметром 50–52 м имеет высоту до 3 м. В отличие от других исследованных холмов (Кокшаровского и Усть-Вагильского) поселение вокруг холма отсутствует. На холме фиксируются многочисленные ямы кладоискателей. Уже 55 лет назад (в 1965 г.) холм сильно зарос кустарником и деревьями [Старков, 1969: 74]. Возможно, именно поэтому в настоящее время местоположение холма установить не удается.

Первые раскопки на холме в 1957 г. по заданию Серовского музея провел В. С. Стоколос [Стоколос, 1960]. Из этих раскопок в краеведческий музей Нижнего Тагила поступила небольшая коллекция находок (56 экз.), а 321 находка (306 фрагментов керамики и 15 каменных изделий) были переданы в Серовский музей. В настоящее время в экспозиции Серовского музея выставлены наконечники стрел (3), скребки, проколки, пластины, пест и фрагменты неолитической керамики. В 1965 г. часть холма была раскопана объединенной экспедицией Нижнетагильского и Серовского музеев под руководством В. Ф. Старкова [Старков, 1969: 73–74]. Коллекция находок после раскопок поступила в Нижнетагильский краеведческий музей. По данным базы данных по археологическим коллекциям музея в ней 2500 находок. На сайте музея конца прошлого века указывалась цифра 1937 ед. хр. В 1966 г. раскопки на холме были продолжены экспедицией Института археологии АН СССР под руководством О. Н. Бадера. Данными о полученной коллекции автор не располагает. Но, скорее всего, именно материалы этой коллекции использованы В. Ф. Старковым в своей монографии по неолиту лесного Зауралья (1980 г.). Следует также упомянуть, что небольшая коллекция с Махтыльского холма из разведки В. А. Швечиковой в начале 1990-х гг. хранилась в фондах археологической лаборатории Уральского университета. Одиннадцать фрагментов керамики из этой коллекции опубликованы [Ковалева, Арефьев, 1993: 113; рис. 3, 1–6; 2, 1–5].

Описание материалов

Коллекция находок с Махтыльского холма (шифр — ТМ-3469) состоит из 1857 ед. хр. Из них 1184 фрагмента керамики, 10 изделий из глины, 662 каменных изделия и 1 обломок изделия из цветного металла.

Керамический комплекс представлен фрагментами сосудов разных археологических эпох и культур. К неолиту относится 406 фрагментов сосудов. Половина фрагментов орнаментирована при помощи палочки. Сосуды украшались волнистыми линиями, выполненными гладким прочерчиванием или в технике «отступающей палочки». Широкие прочерченные линии располагаются как горизонтально (чаще), так и вертикально. Иногда узоры из «отступающей палочки» образуют взаимопроникающие треугольные зоны. На внутренней стороне венчиков всегда присутствует хорошо выраженный рельефный налеп (рис. 1.-1-7; 3, 1).

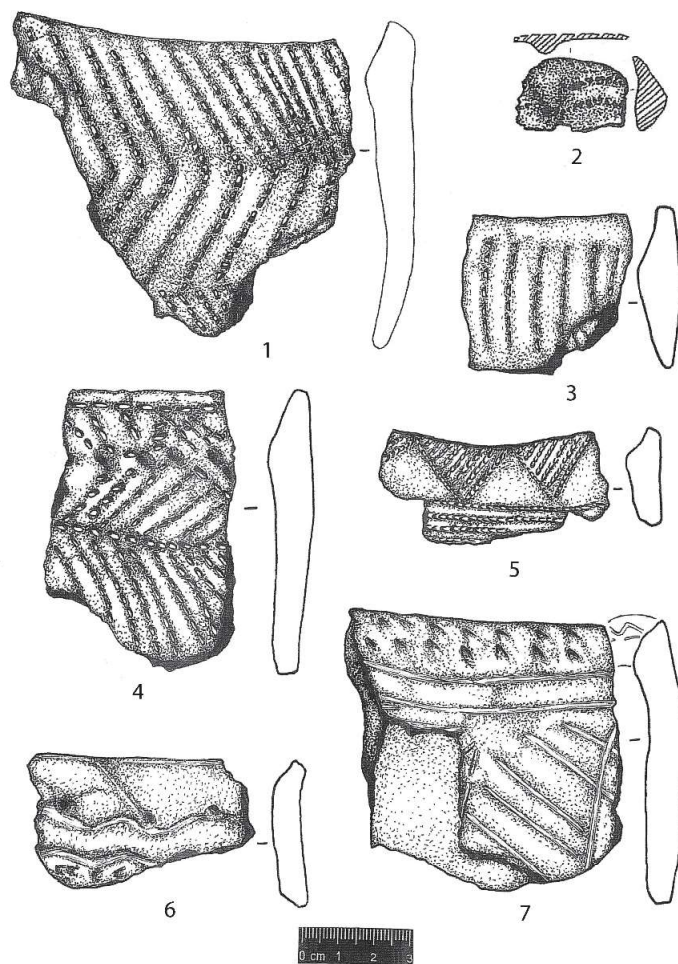

Рис. 1. Махтыльский холм. Фрагменты керамики эпохи неолита (1–7)

Fig. 1. Makhtylsky hill. Fragments of Neolithic pottery (1–7)

Также «отступающей палочкой» украшен отслоившийся фрагмент венчика сосуда с рельефным зооморфным налепом (рис. 1.-2). Следует отметить, что на лицевой стороне фрагмента сохранились следы окрашивания охрой [Бунькова, 2010: 201; рис. 4.-6]. К нему можно добавить четыре опубликованных фрагмента венчиков с зооморфными налепами из раскопок В. А. Швечиковой [Ковалева, Арефьев, 1993: рис. 3.-1, 2; 4.-1, 2]. Аналогичные зооморфные налепы хорошо известны и на других культовых холмах Среднего Зауралья: Усть-Вагильском (1 экз.) и Кокшаровском (88 экз.) [Шорина, Шорин, 2014: 386–390].

Вторая половина фрагментов орнаментирована различными сочетаниями крупнозубого гребенчатого штампа. У венчиков с гребенчатым орнаментом с внутренней стороны также имеется рельефный налеп. Описанную керамику вполне можно отнести к раннему и развитому неолиту [Старков, 1980: 52–53; табл. III, 6, 8, 10, 11; VII, 14, 17; VIII, 2, 3, 6, 8–10].

К неолиту относятся и два изделия, для изготовления которых использованы фрагменты разбитых керамических сосудов. Фрагмент керамики длиной 5,2 см, орнаментированный прочерченными линиями, служил скребком для обработки кожи. Из фрагмента керамики, украшенного «отступающей палочкой», изготовлена подвеска (рис. 3.-2). Она оббита по периметру до получения округлой формы диаметром 4,3–4,8 см. У одного края фрагмента толщиной 0,85 см просверлено отверстие диаметром до 0,8 см. Оно выполнено каменным сверлом путем одностороннего сверления, на внутренней стороне фрагмента присутствует не подправленный вылом.

Энеолитический комплекс состоит из 756 фрагментов керамики. Венчики сосудов прямые или слабо профилированные. Края венчиков плоские, иногда утончаются кверху. Вдоль края венчика часто располагается горизонтальный ряд круглых и глубоких наколов с жемчужинами на обратной стороне. Внутренняя часть венчиков орнаментирована отпечатками диагонально поставленного гребенчатого штампа. Тулова сосудов украшены разнообразными геометрическими узорами из отпечатков узкого гребенчатого штампа. Часты разделительные горизонтальные пояса из зигзагов, выполненных гребенкой. Иногда для украшения сосудов применялась техника «шагающей гребенки».

С энеолитическим комплексом связан и керамический скребок. Он изготовлен на фрагменте керамики с гребенчатым орнаментом длиной 4,0 см. Дугообразное лезвие скребка стерто и заглажено.

В. Ф. Старков отмечает, что «в центральной части холма на глубине 1,81 м от вершины найдено костыше с керамикой периода бронзы» [Старков, 1980: 53]. Но в коллекции Нижнетагильского музея керамика бронзового века полностью отсутствует. Также единично представлены материалы железного века и Средневековья. Керамика гамаюнского типа (X–IV вв. до н. э.) представлена единственным фрагментом венчика сосуда. В коллекции есть несколько фрагментов керамики вагильского типа (X–VIII вв. до н. э.). Также единично представлена и средневековая керамика зеленогорского типа (VI–VIII вв. н. э.). Данное количество поздней керамики не отражает истинного соотношения материалов ранних (неолит-энеолит) и поздних (бронза, железо, Средневековье) эпох. На Усть-Вагильском холме, расположенном на р. Тавда в 65 км от Махтыльского, мощность слоев с поздними материалами доходит до 1,5 метров.

Из других находок к поздним эпохам можно отнести обломок бронзового (?) изделия, фрагмент ошлакованного тигля, керамический скребок и пять кусков обожженной глины.

Обломок медного или бронзового изделия имеет длину 2,8 см, ширину 2,0 см и неравномерную толщину от 0,23 до 0,28 см. Один край его загнут вовнутрь. Выпуклая сторона украшена орнаментом. Возможно, обломок происходит от верхней части втулки кельта. Подобные изогнутые и орнаментированные обломки кельтов известны на культовой площадке бронзового века памятника Шайтанское озеро II [Сериков, 2013: рис. 134.-4–6].

Тигель был изготовлен из хорошо отмученной глины. Размеры обломка — 5,4 × 4,3 × 1,4 см. Керамический скребок выполнен на неорнаментированном фрагменте керамики размером 6,3 × 5,2 см и толщиной 0,4–0,5 см. Рабочими лезвиями служили три стороны фрагмента. Все лезвия сильно сработаны, на всех рабочих кромках присутствуют четкие линейные следы скребкового характера. Причем стертость кромок показывает, что скребком по коже работали в двух позициях — попеременно двигали его выпуклой и вогнутой стороной на себя. Кусочки обожженной глины имеют небольшие размеры длиной от 2,1 до 4,6 см. Размер самого крупного куска составил 4,6 × 3,2 × 2,7 см.

Комплекс каменных изделий с холма незначительный (662 экз.), но в нем представлены все основные типы орудий.

В коллекции всего два нуклеуса. Один нуклеус размером 5,9 × 4,3 × 2,6 см, изготовлен из плитки светло-серой слабоокремленной породы. С двух сторон сохранились плиточная корка толщиной до 0,2 см. Ударная площадка гладкая, слегка скошена. На фронте скалывания присутствуют негативы от пластин, как с негативом ударного бугорка, так и без него. Это доказывает, что нуклеус был крупнее. После поперечного раскола его продолжали использовать для получения пластин. Ширина полных негативов пластин 1,1–1,1–1,9 см. Боковое ребро нуклеуса подработано сколами (рис. 2.-1).

Второй нуклеус практически полностью аналогичен первому. Изготовлен он из плитки алевротуфа размером 5,7 × 4,5 × 2,7 см. Ударная площадка также гладкая, слегка скошена. Ширина полных негативов пластин на основном фронте скалывания 0,8–1,6–2,4 см. Сколы с боковой плоскости заломились. На противоположной фронту скалывания плоскости (с плиточной коркой) присутствует короткий негатив скола шириной 1,8 см. Отсутствие негатива ударного бугорка свидетельствует, что данный скол был произведен с более крупного нуклеуса, после чего нуклеус был расколот поперек. Но и с расколотого нуклеуса продолжали скалывать пластины (рис. 2.-2).

В коллекции присутствуют три обломка крупных нуклеусов, выполненных из алевротуфа. От одного нуклеуса сохранилась верхняя часть с ударной площадкой размером 6,4 × 4,2 см. Она фасетирована и слегка скошена вдоль фронта скалывания. Негативы от сколотых пластин расположены по всему периметру ударной площадки. Следовательно, нуклеус относился к типу призматических. Негативы пластин в порядке очередности имеют следующую ширину: 1,7–2,5–1,2–1,0–1,5–1,7–2,8 см. Нуклеус раскололся по скрытой трещине. Размер обломка — 6,4 × 4,5 × 4,5 см.

Второй обломок представляет собой расколотую вдоль отколотую нижнюю часть нуклеуса размером 4,5 × 3,3 × 2,2 см. Ширина полного негатива пластины — 2,2 см. От третьего нуклеуса, расколотого по диагонали, сохранился обломок размером 5,3 × 4,9 × 2,0 см. Ширина единственного полного негатива пластины составила 1,5 см.

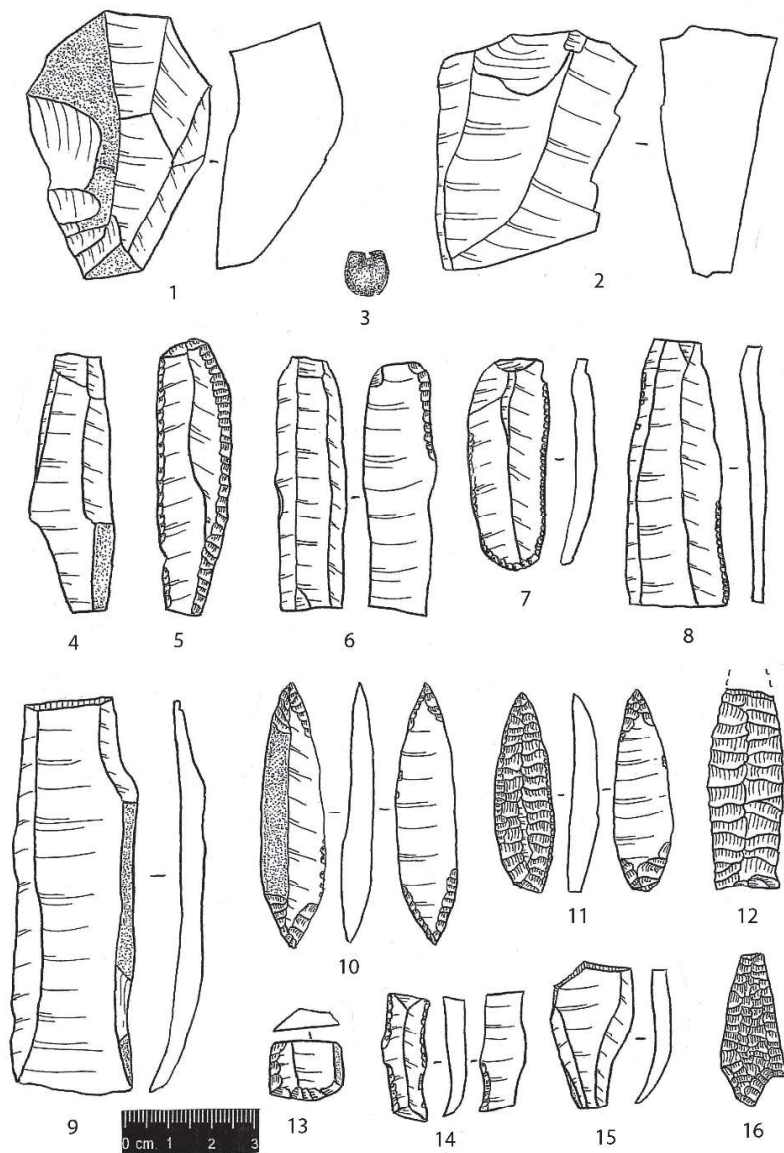

Рис. 2. Махтыльский холм. Каменные изделия неолита – энеолита (1–2 – нуклеусы; 3 – подвеска; 4, 9, 15 – пластины без ретуши; 5–8, 14 – пластины с ретушью; 10–12, 16 – наконечники стрел; 13 – скребок)

Fig. 2. Makhtylsky hill. Neolithic – Eneolithic stone products (1–2 – cores; 3 – pendant; 4, 9, 15 – plates without retouching; 5–8, 14 – plates with retouching; 10–12, 16 – arrowheads; 13 – scraper)

Технические сколы при обработке нуклеусов представлены пятью поперечными сколами и ребристой пластиной. Судя по ширине негативов пластин на поперечных

сколах, они происходят от крупных нуклеусов. Самый крупный поперечный скол размером $5,1 \times 3,5$ см выполнен из светло-серой слабокремневой породы. Ширина единственного полного негатива пластины — 3,2 см. Крупные размеры имеют еще два поперечных скола из алевротуфа. В одном случае это часть сколотой ударной площадки размером $4,6 \times 2,6 \times 2,4$ см. Ширина полных негативов — 1,8 и 2,1 см. Размеры поперечного скола — $4,4 \times 2,6$ см, ширина негатива — 1,5 см. Два поперечных скола имеют небольшой размер — $2,0 \times 1,6$ см (из кремня) и $3,3 \times 1,8$ см (из светло-серой кремнистой породы). Ширина негативов пластин соответственно 0,8–1,1–1,2 см и 1,3–1,6 см.

Представляет интерес поперечный скол из красно-зеленой яшмы, свидетельствующий о смене фронта скалывания. Он имеет вид изогнутой в профиле пластины длиной 3,2 см, шириной до 1,8 см. Проксимальный конец пластины имеет специфическую форму «летающей птички». На нем сохранилось три негатива от сколотых пластин шириной 1,0–1,1–1,1 см (рис. 2.-15). Ребристая пластина длиной 3,7 см и шириной 1,25 см изготовлена из светло-серой слабокремневой породы.

Ножевидных пластин в коллекции всего 14 экз. — по семь с вторичной обработкой и без нее. Длина пластин без ретуши колеблется от 3,6 до 8,6 см, ширина — от 1,2 до 2,7 см (1,2–1,2–1,8–2,0–2,2–2,4–2,7). Единственная целая пластина длиной 8,6 см и шириной 2,7 см изготовлена из алевротуфа. Дистальный конец пластины изогнут, на одной грани сохранилась плиточная корка (рис. 2.-9). Остальные пластины являются фрагментами: с отсеченным дистальным концом (3) (рис. 2.-4; 3.-7), сечениями (2) и отсеченным проксимальным концом (1). Из светло-серой слабокремневой породы изготовлено три пластины, из алевротуфа — две, из светло-серой кремнистой породы и кварцита — по одной. Первичная корка присутствует на двух пластинах.

Пластины с вторичной обработкой представлены одной целой, двумя — с отсеченным дистальным концом, тремя — отсеченными дистальными концами, одной — отсеченным проксимальным концом. Ретушью со спинки обработано пять пластин (рис. 2.-5, 8), ретушью с брюшка — одна (рис. 2.-б). Еще одна пластинка обработана ретушью с двух сторон. Длина пластин колеблется от 2,8 до 6,2 см, ширина — от 0,9 до 3,1 см (0,9–1,4–1,4–1,6–1,7–1,8–3,1). Целая пластина из кремня длиной 4,8 см и шириной 1,8 см по двум краям обработана мелкой ретушью, слегка изогнута в профиле, дистальный конец оформлен скребковой ретушью (рис. 2.-7).

Следует отметить отсеченный изогнутый дистальный конец пластины из светло-серой слабокремневой породы длиной 2,8 см, шириной 0,9 см. На одном краю ретушью со спинки оформлены две пологие выемки. На противоположном краю также находятся две выемки, но одна обработана ретушью со спинки, а вторая — ретушью с брюшка (рис. 2.-14). Изготовлены пластины с вторичной обработкой из светло-серой слабокремневой породы (3), кремня, алевротуфа, кремнистого сланца и светло-серой кремнистой породы (по одной).

Нуклеусы и весь комплекс пластин вполне достоверно укладываются в рамках неолита-энеолита. Хронологию можно уточнить с помощью минерального сырья. В отличие от северных культовых холмов на Кокшаровском холме (Верхнесалдинский район Свердловской области) неолитические материалы исключительно преобладают — не менее 90% от всех находок. Пластинчатый комплекс Кокшаровского холма на 81% состо-

ит из пластин, выполненных из светло-серой слабокремневой породы, и 4,5% пластин из алевротуфа. Поэтому и на Махтыльском холме все изделия (не только нуклеусы и пластины) из вышеуказанного сырья можно с большой долей вероятности отнести к неолиту.

Наконечники стрел представлены пятью целыми экземплярами и двумя обломками.

К неолиту относятся три наконечника стрелы (два целых и обломок), изготовленные на пластинах светло-серой слабокремневой породы. Длина первого наконечника 6,0 см, ширина 1,4 см. Изготовлен из двухгранной пластины, на одной грани которой сохранилась плиточная корка. Наконечник имеет вытянутую иволистную форму. Ретушью со спинки и с брюшка обработаны только кончик пера и подтреугольный насад (рис. 2.-10). Подобные наконечники стрел хорошо известны в пещерном святилище на камне Дыроватом и Юрьинском неолитическом поселении, на площади которого находится Кокшаровский холм. Второй наконечник стрелы листовидной формы изготовлен на слабоизогнутой в профиле двухгранной пластине из качественного черного кремня. У него отломан кончик насада. Длина наконечника 4,5 см, ширина 1,3 см, толщина 0,5 см. В отличие от первого наконечника спинка пластины обработана сплошной плоской отжимной ретушью. Со стороны брюшка ретушью подправлены только кончик пера и насад (рис. 2.-11). Ребро между гранями пластины заметно заглажено и залощено. Подобные наконечники присутствуют в комплексе с неолитической керамикой сатыгинского типа на стоянке Шабурово I на реке Лозьве [Сериков, 2016: 37; рис. 2.-7–11]. Обломок представлен кончиком пера длиной 2,2 см, шириной в месте слома 1,05 см и толщиной 0,7 см. Обработан ретушью со спинки и с брюшка.

Остальные наконечники имеют хорошие аналогии в энеолитических комплексах. Первый наконечник стрелы имеет треугольную форму и хорошо выраженный треугольный черешок (рис. 2.-16). С обеих сторон он обработан сплошной ретушью. У наконечника отломан кончик острия. Длина сохранившейся части 3,4 см, ширина до 1,4 см, толщина 0,4 см. Изготовлен наконечник из кремнистого сланца.

Второй наконечник стрелы из кремнистого сланца имеет вытянутую листовидную форму с вогнутым основанием. У него также отломан кончик пера. Наконечник обработан плоской ретушью с двух сторон. Длина наконечника 4,4 см, ширина — 1,75 см, толщина — 0,6 см (рис. 2.-12).

Третий наконечник стрелы не закончен в обработке. Для его изготовления использовалась плитка некачественного кремнистого сланца длиной 4,8 см, шириной 2,0 см, толщиной 0,75 см. Заготовка обработана двусторонней ретушью под листовидную форму, но в процессе обработки расслоилась.

В коллекции сохранился отломанный кончик пера шлифованного наконечника стрелы длиной 2,8 см, шириной в месте слома 1,15 см, толщиной 0,6 см. Обломок имеет ромбическое сечение, изготовлен из сланца.

Среди скребков один выполнен на пластине и четыре изготовлены из отщепов. Скребок, изготовленный на пластине светло-серой слабокремневой породы, имеет длину 1,3 см и ширину 1,7 см. Рабочее лезвие оформлено ретушью со спинки. Один боковой край обработан ретушью со спинки, а второй покрыт плиточной коркой (рис. 2.-13).

Скребки на отщепах имеют длину от 2,6 до 3,5 см. Рабочие лезвия всех скребков обработаны ретушью со спинки (рис. 3.-6). У трех скребков рабочее лезвие имеет дуго-

образную форму, у одного — выемчатое. Для изготовления скребков использовались алевротуф (2), кремнистый сланец и халцедон.

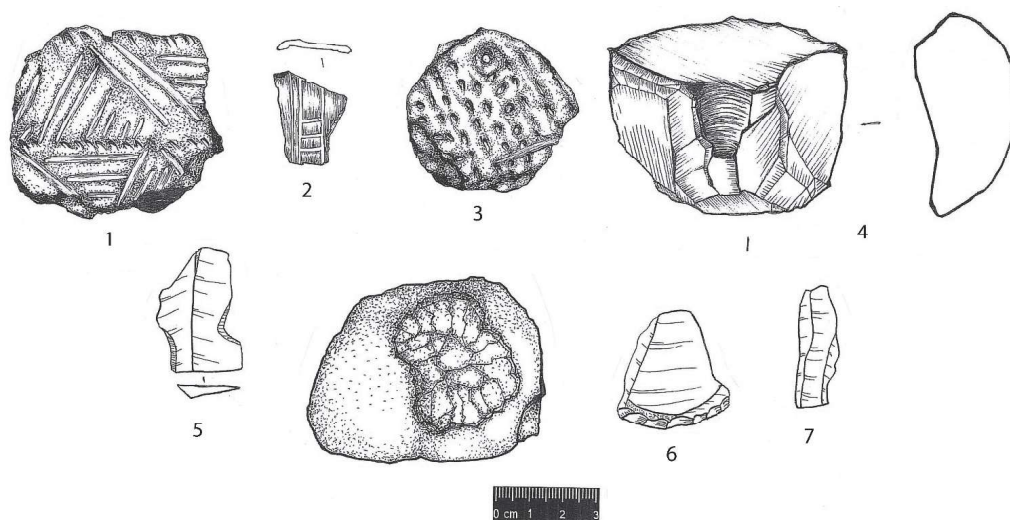

Рис. 3. Махтыльский холм. Изделия неолита-энеолита из глины (1, 3), цветного металла (2) и камня (4–7) (фрагмент неолитической керамики; 2 — фрагмент бронзового изделия; 3 — керамическая подвеска; 4 — фрагмент навершия булавы; 5, 7 — пластины без ретуши; 6 — скребок)

Fig. 3. Makhtylsky hill. Neolithic – Eneolithic items made of clay (1, 3), non-ferrous metal (2) and stone (4–7) (a fragment of Neolithic ceramics; 2 – a fragment of a bronze item; 3 – a ceramic pendant; 4 – a fragment of a mace's head; 5, 7 – plates without retouching; 6 – scraper)

К скребкам нужно добавить скребло, выявленное при помощи трасологического анализа. Для скобления использовали плитку туффита без следов обработки размером 7,1 × 4,1 × 1,1 см. Один край плитки (слабо вогнутый) заглажен и закруглен. На нем присутствуют четкие линейные следы скребкового характера. Плитка служила для обработки кожи.

Для памятника характерно широкое использование абразивной техники. На холме найдено две шлифовальные плиты и 32 абразива. Плиты использовались для придания формы орудиям. На них производили обдирку и шлифовку изделий. Одна плита размером 7,1 × 4,2 × 0,7 см изготовлена из мелкозернистой породы. Вторая — является обломком более крупной двусторонней плиты из пятнистой породы. От нее сохранился кусок размером 7,7 × 7,1 × 2,4 см.

Большая часть абразивов (28) использовались для заточки лезвий металлических орудий. В основном для этого служили бесформенные куски туффита длиной от 3,6 до 8,4 см. В семи случаях оформление лезвий производилась на двусторонних плитках нестандартного размера: 4,4 × 3,4 × 1,2 см — 5,5 × 4,1 × 1,3 см — 6,7 × 3,7 × 1,0 см — 10,7 × 9,7 × 5,4 см. На четырех кусках туффита зафиксированы узкие канавки, образовав-

шиеся от оформления или заточки костяных шильев. Такие проточенные же канавки выявлены и на одной из плоскостей самой крупной плитки.

Шлифованные изделия представлены рубящими орудиями, ножами и их отломками. С небольшим повреждением (откола от верхней часть) сохранилось шлифованное тесло размером $4,8 \times 3,5 \times 0,7$ см. Тесло полностью отшлифовано. На одном боковом крае присутствует след от распила абразивной пилой глубиной до 0,4 см. Следы использования на рабочем лезвии убраны последующей пришлифовкой. Изготовлено тесло из светло-серого сланца. Еще одно шлифованное тесло из такого же сланца размером $6,9 \times 4,6 \times 1,0$ см расколото вдоль.

Обломки рубящих шлифованных орудий (8) имеют размеры от 2,2 до 5,2 см. Изготовлены они из светло-серого сланца (4), алевротуфа (3) и вулканомиктового песчаника (один).

Ножи (3) также представлены сломанными изделиями. Самый крупный нож ($4,8 \times 2,6 \times 0,65$ см) из алевротуфа имеет треугольную форму и линзовидное сечение. Обе плоскости отшлифованы, но повреждены отслаиванием. Рабочее лезвие дополнительно обработано мелкой краевой ретушью. Второй нож из светло-серого сланца ($3,4 \times 1,9 \times 0,3$ см) имеет серповидную форму. У него отшлифованы не только обе плоскости, но и боковое ребро. Рабочее лезвие подправлено ретушью. Третий нож ($4,6 \times 3,7 \times 0,5$ см) также изготовлен из светло-серого сланца. Обе плоскости у него отшлифованы, боковые края обработаны ретушью.

Единственная абразивная пила из светло-серого сланца сломана. Размеры оставшегося фрагмента — $6,9 \times 3,3 \times 0,5$ см. Лезвие пилы имеет треугольный профиль. Судя по сработанности, глубина проникновения в обрабатываемый материал составляла 0,5 см.

Из других изделий в коллекции присутствуют заготовка орудия и отщепы с краевой ретушью. Заготовка выполнена из плоской плитки кремнистого сланца размером $6,2 \times 3,4 \times 1,85$ см. Она обработана по краям двусторонней оббивкой. Возможно, предназначалась для изготовления ножа или наконечника стрелы. Отщепы с краевой ретушью (3) могли использоваться для работ эпизодического или единичного характера. Их длина колеблется от 3,4 до 6,3 см. Крупный ($6,3 \times 4,0 \times 1,9$ см) отщеп из туффита обработан с одной стороны крупной краевой ретушью. Также крупной ретушью обработана крутая выемка диаметром до 2,2 см на отщепе светло-серой кремнистой породы размером $5,5 \times 4,6 \times 1,6$ см. Третий отщеп из кремнистого сланца обработан мелкой краевой ретушью со стороны спинки.

Орудия обработки представлены двумя отбойниками. Одним отбойником служила овальная галька кварца размером $7,6 \times 5,3 \times 4,1$ см. На обоих зауженных концах гальки присутствуют следы забитости. От второго отбойника сохранилась средняя часть кварцевой гальки размером $4,3 \times 3,7 \times 2,2$ см. Оба зауженных конца сколоты. Но на одной боковой плоскости сохранились следы забитости.

Отщепов на холме на удивление мало (58 экз.). Возможно, это связано с дефицитом кремнистых пород. Длина отщепов колеблется от 1,1 до 5,7 см. Более половины отщепов имеют длину до 3,5 см. Для их изготовления применялись 11 видов минерально-го сырья. Достаточно широко использовались кремнистые сланцы (18) и туффиты (13).

К ним можно добавить кремень (7), алевротуф (5), халцедон (5), разноцветные (сургучная, красно-зеленая, светло-серая) яшмы (4), вулканомиктовый песчаник, светло-серую кремнистую и слабокремнезёмную породу (по 2). На 21 отщепе (36,2%) сохранилась первичная корка.

Наличие первичной корки свидетельствует об использовании местных источников сырья. Но берега Сосьвы исследованы автором на протяжении более 150 км, при этом обнаружен только галечник. Находится он в 95 км (по реке) вниз по течению в д. Рычкова. Однако верхнее течение Сосьвы расположено в горной части Урала, где галечников гораздо больше.

Из изделий неутилитарного характера нужно отметить обломок навершия булавы и подвеску.

От навершия булавы из бурого железняка сохранилось не более трети. Ее диаметр около 7,5 см, толщина — 5,5 см. Поверхность булавы была обработана пикетажем. У места слома сохранился небольшой пришлифованный участок размером 1,4 × 1,4 см. Видимо, поверхность, с которой производилось сверление, для предотвращения скольжения в начале работы сверлом была отшлифована. Шероховатая после отделки пикетажем поверхность булавы была тщательно заглажена кожей. Все выступающие участки сглажены и залощены. Цилиндрическое отверстие диаметром 2,4 см получено сверлением полый костью. Судя по толстым царапинам в сверлине, сверление производилось крупнозернистым абразивом (рис. 3.-4).

Необходимо отметить, что расколотое пополам навершие булавы также из бурого железняка залегало в энеолитическом погребении Гладунино-3 (Курганская область). На недалеко расположенном Усть-Вагильском холме также найдено два обломка навершия сверленых булав. Необходимо подчеркнуть, что навершия булав являются очень редкими находками. На территории Урала и прилегающего Зауралья известно не более 15 таких изделий [Сериков, 2018: 61–63; рис. 2.-1–6].

Подвеска изготовлена из темно-красного шифера (пиррофиллитового сланца). Она имеет округлую форму диаметром 1,0 см, толщиной 0,68 см. Ушко подвески отломано по сверлине. Диаметр сверлины 0,25 см (рис. 2.-3). Сверление производилось с двух сторон каменным сверлом в лучковом приборе.

Небольшие подвески из темно-красного шифера на территории Среднего Зауралья являются маркирующим признаком культовых энеолитических комплексов. Больше всего их найдено в энеолитических погребениях: Аятском (52), Шайтанском (13), Усть-Вагильском (33) и др. В могильнике на Большом Андреевском острове обнаружено 455 подвесок, а в пяти погребениях могильника Бузан-3 находилось 505 подвесок из шифера [Матвеев, Матвеева, Сериков, Скочина, 2015: 72].

К данным изделиям нужно добавить кусочек оранжевой охры размером 0,6 × 0,5 × 0,5 см, а также два куса обожженного бурого железняка (лимонита), который обычно использовался для получения охры. Размер одного куска 5,2 × 3,9 × 2,0 см, второго — 6,1 × 4,7 × 0,9 см.

Завершают коллекцию каменных изделий куски и осколки камня (489) и галька — целая (7) и расколотая (13).

Коллекция галек содержат только гальки молочного кварца и кварцита.

Среди кусков колотого камня только один изготовлен из кремнистой породы — халцедона. Остальные выполнены из сланцев (углистого и слюдистого — 14), туфа (23) и туффита (451). Куски и осколки туффита по длине варьируют от 1,9 до 9,6 см. Они имеют бесформенные очертания и получены в результате сильного нагрева — теплового расщепления.

Следует отметить, что куски колотого камня (кварца, халцедона, кремня), а также расколотой гальки присутствует практически на всех древних святилищах Среднего Зауралья. Иногда их количество исчисляется сотнями и тысячами. Колотая галька встречена во всех пещерных святилищах Чусовой. Особенно много их было в долго функционировавших святилищах в пещерах Туристов (303) и Кумышанской (282). Около 500 нуклеидных кусков и осколков найдено при раскопках святилища у подножья Писаного камня на реке Вишера. В энеолитическом культовом центре на Шайтанском озере найдено 5480 кусков жильного кварца, не пригодного для изготовления орудий [Сериков, 2013: 144, 187–188].

Заключение

Таким образом, Махтыльский холм образовался за счет приношения в виде жертвы разбитых сосудов и сломанных изделий из камня. Возможно, таким способом осуществлялся принцип «часть вместо целого». После завершения обряда культовый комплекс засыпали землей. Погребение принесенных жертв позволяло освободить культовую площадку для последующих обрядов. Землю для засыпки брали недалеко от холма. Использование культового места на протяжении тысячелетий (с неолита до Средневековья) привело к образованию уплощенного холма диаметром до 50 м и высотой до 3 м. На вершине холма сохранялась ровная площадка для совершения последующих ритуалов. Но возможны и другие варианты. Исследователь аналогичного культового холма Чёртова Гора (бассейн реки Конды) Л. Н. Сладкова сообщила автору, что во время раскопок к холму в определенные дни собирались, приплывая на лодках, местные жители и привозили в мешочках землю со своих паулей (поселений).

Как и почему место совершения обрядов выбрали именно в месте образования будущего холма, мы никогда не узнаем. Но произошло это в эпоху неолита. Спустя тысячелетия, в энеолите, культовое место уже имело вид возвышенности. Причем в энеолите холм превратился в постоянно и активно действующее святилище. Именно эпоха энеолита наиболее широко представлена остатками жертвоприношений, среди которых присутствуют и статусные изделия типа наверхия булавы. Безусловно, коллекция находок слишком мала для того, чтобы достоверно воспроизвести функционирование культового холма в древности. Но поскольку будущие раскопки холма пока не предвидятся, приходится довольствоваться тем, что уже есть.

Благодарности

Приношу глубокую благодарность главному хранителю фондов Серовского исторического музея О. А. Виноградовой за предоставленную информацию об археологических коллекциях музея.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бунькова А. А. Керамика с фигурными налестами из фондов Нижнетагильского музея-заповедника // Тагильский вестник: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация: историко-краеведческий альманах. Вып. 6. Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. С. 193–208.

Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург : УрГУ, 1993. С. 107–119.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень : ТГУ, 2015. 156 с.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности. Нижний Тагил : НТГСПА, 2013. 408 с.

Сериков Ю. Б. Шабурово I — новый неолитический памятник на р. Лозьве // Седьмые Берсовские чтения : Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург : КВАДРАТ, 2016. С. 34–41.

Сериков Ю. Б. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита-бронзы Урала // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 56–73.

Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралья // Вестник Московского ун-та. 1969. № 5. С. 72–77.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М. : Наука, 1980. 220 с.

Стоколос В. С. Археологическая разведка Серовского музея // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 50–55.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Комплекс памятников «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» как источник по неолиту Зауралья // V Северный археологический конгресс : тезисы докладов. Екатеринбург : Альфа-Принт, 2019. С. 138–141.

Шорина А. А., Шорин А. Ф. Неолитическая керамика с фигурными налестами с Кокшаровского холма и Юрьинского поселения // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С. 386–390.

REFERENCES

Bun'kova A. A. Keramika s figurnymi nalepami iz fondov Nizhnetagil'skogo muzeia-zapovednika [Ceramics with figured carvings from the funds of the Nizhny Tagil Museum-Reserve] *Tagil'skii vestnik: Istoriko-kul'turnoe nasledie rodnogo kraia: izuchenie, sokhranenie i popularizatsiia: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Tagilsky Vestnik: Historical and cultural heritage of the native land: study, preservation and popularization: Historical and local history almanac.] Vyp. 6. Nizhnii Tagil : NTGSPA, 2010. S. 193–208 (in Russian).

Kovaleva V. T., Aref'ev V. A. O semantike sosudov s rel'efnymi zoomorfnymi izobrazheniiami [On the semantics of vessels with relief zoomorphic images] *Voprosy arkheologii Urala* [The questions of the Ural archeology] Vyp. 21. Ekaterinburg : UrGU, 1993, S. 107–119 (in Russian).

Matveev A. V., Matveeva N. P., Serikov Iu. B., Skochina S. N. *Kul'tovye pa-miatniki epokhi eneolita* [Cult sites of the Eneolithic era]. Tiumen' : Tiumenskii gosudarstvennyi universitet, 2015, 156 s. (in Russian).

Serikov Iu. B. *Shaitanskoe ozero — sviashchennoe ozero drevnosti* [Shaitanskoje lake — the sacral lake of the Ancient time]. Nizhnii Tagil : NTGSPA, 2013, 408 s. (in Russian).

Serikov Iu. B. Shaburovo I — novyi neoliticheskii pamiatnik na r. Loz've [Shaburovo I — a new Neolithic site on the Lozva River] *Sed'mye Bersovskie chteniia: Sbornik statei Vserossiiskoi arkheologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The seventh Bers Readings: A collection of articles of the All-Russian Archaeological Scientific and Practical Conference with international participation]. Ekaterinburg : KVADRAT, 2016. S. 34–41 (in Russian).

Serikov Iu. B. K voprosu o tekhnike izgotovleniia otverstii bol'shogo diametra v kamennykh izdeliakh neolita-bronzy Urala [On the question of the technique of making large-diameter holes in Neolithic-bronze stone products of the Urals]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Povolzhskaya arkheology]. 2018, no. 1. S. 56–73 (in Russian).

Starkov V. F. O tak nazyvaemykh “bogatykh bugrakh” v lesnom Zaural'e [About the so-called “rich mounds” in the forest Transurals]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. 1969, no. 5. S. 72–77 (in Russian).

Starkov V. F. *Mezolit i neolit lesnogo Zaural'ia* [Mesolithic and Neolithic of the forest Transural]. Moscow: Nauka, 1980, 220 s. (in Russian).

Stokolos V. S. Arkheologicheskaya razvedka Serovskogo muzeia [Archaeological exploration of the Serov Museum]. *Iz istorii Urala* [From the history of Urals]. Sverdlovsk, 1960. S. 50–55 (in Russian).

Shorin A. F., Shorina A. A. *Kompleks pamiatnikov “Koksharovskii kholm — Iur'inskoe poselenie” kak istochnik po neolitu Zaural'ia* [The complex of sites “Kocharovsky hill — Jurginskoe settlement” as a source for the Neolithic of the Urals]. *Severnyi arkheologicheskii kongress. Tezisy dokladov*. [V Northern archaeological Congress. Thesis of reports]. Ekaterinburg : Al'fa-Print, 2019. S. 138–141 (in Russian).

Shorina A. A., Shorin A. F. Neoliticheskaya keramika s figurnymi nalepami s Koksharovskogo kholma i Iur'inskogo poseleniia [Neolithic ceramics with figured carvings from Koksharovsky hill and Yuryinsky settlement]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of IV (XX) All-Russian archaeological Congress in Kazan]. T. I. Kazan' : Otechestvo, 2014. S. 386–390 (in Russian).

Список сокращений

НТГСПА — Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

ТГУ — Тюменский государственный университет.

УрГУ — Уральский государственный университет.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2021.

Принята к публикации 30.04.2022.

Дата публикации 30.09.2022